

**ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА**

РЕКС СТАУТ

Черные орхидеи

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Черные орхидеи

Я не знаю, сколько предположений было высказано в прошлом году в барах и за обеденными столами о том, как Ниро Вулф получил черные орхидеи. Я видел три разных в печати: одно в воскресном выпуске «Санди» прошлым летом, одно в колонке сплетен нью-йоркских таблоидов пару месяцев назад и одно в рассылке ассоциации прессы, когда черные орхидеи неожиданно появились на похоронах в Белфордской часовне.

Итак, здесь описаны два дела Ниро Вулфа, в которые были вовлечены совершенно разные люди. Первый рассказ о том, как Вулф получил черные орхидеи, второй — о том, как он раскрыл еще одно убийство. Однако во втором не все для меня ясно, и это не дает мне покоя. Может, кто-то и знает Вулфа лучше, чем я, однако подождите с выводами, пока не прочитаете второй рассказ.

Арчи Гудвин

Черные орхидеи

ГЛАВА 1

Понедельник — на выставке цветов. Вторник — на выставке цветов. Среда — на выставке цветов. И это я, Арчи Гудвин. Ну что это такое?

Я не отрицаю — цветы приятны, но миллион цветов вовсе не в миллион раз приятнее одного-единственного цветка. Вот устрицы — вкусная штука, но кому же придет в голову съесть содержимое целого бочонка?

Я не особенно возмущался, когда Ниро Вулф послал меня туда в понедельник после обеда. Отчасти я ожидал этого. После шумихи, поднятой вокруг выставки воскресными газетами, было ясно, что кому-то из наших домочадцев придется пойти взглянуть на эти орхидеи. А раз Фрица Бреннера нельзя надолго отделить от кухни, Теодор Хорстман слишком занят в оранжерее, а сам Вулф мог бы трудиться в физической лаборатории в качестве покоящегося тела, если бы вдруг наш детективный бизнес загнулся, то было похоже, что выбор падет на меня. Он и пал.

Когда в понедельник в шесть часов вечера Вулф спустился из оранжереи и вошел в кабинет, я отрапортовал:

- Я видел их. Украсть образец было невозможно.
- Я и не просил тебя об этом, — хрюкнул он, опуская себя в кресло.
- Никто и не говорит, что просили, просто вы ждали, что я сделаю это. Их три. Они в стеклянном контейнере, а рядом как приклеенный торчит охранник.

- Какого они цвета?
- Они не черные.
- Черные цветы никогда не бывают черными. Какого они цвета?
- Ну... — Я задумался. — Представьте себе кусок угля. Не антрацит. Кеннельский уголь¹.
- Он черный.
- Минутку. Полейте его темной патокой. Да, так будет похоже.
- Пф! Ты даже примерно не можешь представить, какой это получится цвет. И я не могу.
- Что ж, пойду куплю кусок угля, и мы попробуем.
- Нет. А губа² такая же?
- Патока поверх угля, — кивнул я. — Губа крупная, но мельче, чем у *augea*, примерно как у *truffautiana*. Чашелистики ланцетные. Зев цветка с оранжевым...
- Никаких признаков увядания?
- Нет.
- Завтра отправляйся туда снова и посмотри, не вянут ли лепестки по краям. Ты знаешь, что такое типичное увядание после опыления. Я хочу знать, опыляли их или нет.

Вот так я оказался там снова во вторник после ланча. Тем же вечером, в шесть часов, я прибавил несколько деталей к моему описанию и доложил, что признаков увядания нет.

Я уселся за свой стол напротив Вулфа и уставился на него холодным взглядом:

— Не будете ли вы так добры объяснить мне, почему женщины, которые ходят на цветочные выставки, все на один манер. По крайней мере, на девяносто про-

---

¹ Плотный, сильно матовый каменный уголь с большим содержанием водорода. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Губа, или лабеллум* (от *лат. labella*) — нижний лепесток посередине цветка, напоминающий по форме губу; бывает увеличенным или уменьшенным.

центов. Особенно если посмотреть на ноги. Это что, правило? А может, никому из них никогда не дарили цветов, они потому и ходят — поглядеть? Или, может...

— Замолчи! Не знаю. Завтра опять иди туда и ищи признаки увядания.

Видя, как он мрачнеет с каждым часом, и все из-за трех жалких орхидей, я понимал, что Вулф дошел до ручки. И я снова отправился туда в среду и попал домой почти в семь вечера. Войдя в кабинет, я увидел, что Вулф сидит за своим столом с двумя пустыми пивными бутылками на подносе и наливает в стакан из третьей.

— Ты заблудился? — осведомился он.

Я не стал обижаться, понимая, что Вулф и не думал шутить. Он действительно не в силах был представить, как можно добраться от угла Тридцать пятой улицы и Десятой авеню до угла Сорок четвертой улицы и Лексингтон-авеню и вернуться обратно, ни у кого не спрашивая дорогу. Я сообщил, что никаких признаков увядания не обнаружил. Сев за свой стол, я просмотрел почту, потом поднял на него глаза:

— Я подумываю жениться.

Его полуопущенные веки не шевельнулись, но я заметил, что взгляд обратился на меня.

— Мы могли бы поговорить откровенно, — продолжал я. — Я прожил в этом доме больше десяти лет, писал за вас письма, защищал вас от телесных повреждений, следил, чтобы вы не спали постоянно, снашивал покрывки вашего автомобиля и собственные ботинки. Рано или поздно одна из моих угроз жениться должна была оказаться не просто шуткой. И откуда вам знать, как обстоит дело на этот раз?

Он издевательски хмыкнул и поднял стакан.

— Ладно, — сказал я. — Вы достаточно хороший психолог, чтобы понимать, что означает, когда мужчине постоянно хочется говорить о какой-нибудь девушке.

Предпочтительнее, конечно, с кем-нибудь, кто проявляет внимание. Вы можете себе представить, что это значит, если я хочу говорить о ней даже с вами. Важнее всего, что сегодня я видел, как она мыла ноги.

Он поставил стакан на место:

— Значит, ты ходил в кино. Сегодня. Это было...

— Нет, сэр, вовсе не в кино. Во плоти. Вы когда-нибудь бывали на выставке цветов? — (Вулф закрыл глаза и вздохнул.) — Так или иначе, вы ведь, конечно, видели плакаты с этих выставок и знаете, что миллионеры и крупные фирмы всегда придумывают что-нибудь этакое. Вроде японского сада, или сада камней, или пикардийских роз. В этом году «Ракер и Дилл» — они специализируются на семенах и рассаде — превзошли всех: устроили прямо-таки уголок природы. Кусты, опавшие листья, зеленая трава, полно полевых цветов и прочей ерунды, несколько деревьев с белыми цветами и маленький ручей с прудом и камнями. Причем эта полянка обитаемая: мужчина и девушка устраивают пикник. Они там весь день, с одиннадцати до половины седьмого и с восьми до десяти вечера. Собирают цветы. Устраивают пикник. Сидят на траве и читают. Играют в ножички. А в четыре мужчина ложится вздремнуть и закрывает лицо газетой. В это время девушка снимает чулки и туфли и опускает ноги в воду. Тут уж за веревочным ограждением собирается толпа. Лицо и фигура у девушки прелестные, но ноги — прямо произведение искусства. Разумеется, она старается не замочить юбку, а вода быстро бежит по камням. Говоря как художник...

— Пф! — хмыкнул Вулф. — Ты не смог бы нарисовать даже...

— Я не сказал «рисуя как художник», я сказал «говоря как художник». Я знаю, о чем говорю. О слиянии линий в гармоничную композицию. Это на меня действует. Я люблю изучать...

— У нее длинноваты икры.

Я посмотрел на него с удивлением. Он ткнул пальцем в газету на столе:

— Вот ее снимок в «Пост». Ее зовут Энн Трейси. Она стенографистка у «Ракер и Дилл» в конторе. Ее любимое блюдо — черничный пирог с мороженым.

— Она не стенографистка! — Я вскочил. — Она секретарь! Секретарь У. Дж. Дилла! — Я нашел страницу в «Пост». — У нее чертовски ответственная работа! Допускаю, икры выглядят здесь чуть длинноватыми, но это просто плохое фото. Неправильный ракурс. Во вчерашней «Таймс» получше, и статья...

— Я видел. Читал.

— Тогда вы должны представить, что я чувствую. — Я снова сел. — Мужчины забавны, — сказал я философски. — Пока девушка с таким лицом и фигурой просто жила со своими папой и мамой и записывала то, что диктует У. Дж. Дилл, похожий на лягушку, хотя он и президент Атлантического общества садоводов — он был там сегодня, — кто знал ее и замечал? Но посадите ее в людное место, заставьте снять туфли и чулки и опустить ноги в искусственный пруд на третьем этаже Гранд-Сентрал-Палас — и что получится? Сам Билли Роуз¹ является посмотреть на нее. Киношников приходится силком выгонять с полянки. Фотографы отпихивают друг друга. Льюис Хьюитт приглашает ее обедать.

— Хьюитт? — Вулф открыл глаза и хмуро посмотрел на меня. — Льюис Хьюитт?

Я знал, что от этого имени у него пиво вспенится в животе. Льюис Хьюитт — тот самый миллионер, в чьем поместье на Лонг-Айленде вырастили черные

---

¹ *Билли Роуз* (1899–1966) — знаменитый американский импресарио, легенда шоу-бизнеса.

орхидеи, породившие в Вулфе такие пароксизмы зависти, каких в его прежних ребячествах мне не приходилось наблюдать.

— Ага, — весело произнес я, — сам Лью в пальто, которое стоит двести долларов, в фетровой шляпе и перчатках из кожи молодой газели, вскормленной медом и молоком, и с тростью, по сравнению с которой ваша лучшая — не более чем кусок старой рыболовной удочки. Я видел, как Энн вышла с ним меньше часа назад, перед тем как уехал. К ее левому плечу была приколотая черная орхидея! Вероятно, он сам ее срезал. Она первая женщина, удостоившаяся чести носить черную орхидею. А всего лишь на прошлой неделе она своими прелестными пальчиками печатала на машинке: «Ваше письмо от девятого числа получено...» — Я усмехнулся. — Этому Лью надо бы запастись дихлофосом. Там ведь полно мужчин, которые не в состоянии отличить пестика от тычинки. Парень, что устраивает с ней пикник, глупо ухмыляется. Его зовут Гарри Гулд, он садовник у Дилла. Чудной старикан, которому не мешало бы побриться, глазеет на нее так, будто собирается молиться. Я видел его дважды. Благообразный молодой человек с большим подбородком прогуливается, делая вид, что не смотрит на нее. Его зовут Фред Апдеграф. «Питомники Апдеграфа», Эри, штат Пенсильвания. Их экспозиция там неподалеку. И еще масса других, но главное — я. Ваш друг Лью будет соперничать со мной. Вчера Энн случайно улыбнулась мне, и я вспыхнул с головы до ног. Намерения у меня честные и вполне определенные. Посмотрите на эту фотографию, а теперь взгляните сюда. — Я поставил ногу на край стола и задрал штанину до колена. — Представьте, что я сниму ботинок и носок, и присовокупите ваши познания в перекрестном опылении. Какой бы мог получиться результат, если...

— Пф! — произнес Вулф. — Перестань царапать стол. Завтра пойдешь туда снова и будешь искать признаки увядания. Возвращайся к шести.

Но он не выдержал. На следующий день за ланчем его зависть и любопытство наконец вылились через край. Он отставил чашечку кофе с видом человека, готового ради Великого Дела перенести все трудности и испытания, и сказал мне:

— Приготовь седан, пожалуйста. Я поеду туда, чтобы взглянуть на все это безобразие.

ГЛАВА 2

Таким образом, в четверг я оказался на выставке цветов в четвертый раз. Народу было еще больше, чем в предыдущие дни, и я тащил Ниро Вулфа на четвертый этаж, где размещались орхидеи, как эсминец, прокладывающий дорогу линкору через минное поле. Пару раз нас останавливали знакомые, чтобы обменяться приветствиями. На третьем этаже, проходя мимо лесной полянки фирмы «Ракер и Дилл», Вулф остановился, чтобы посмотреть на нее. Зрители вокруг веревочного ограждения толпились в три ряда, Гарри и Энн играли в ножички. Когда где-то рядом сверкнула фотовспышка, Энн и глазом не моргнула.

— Взгляните на ее зубы, когда она улыбается, — сказал я, — взгляните на ее пышные волосы цвета патоки. Она держится увереннее, чем в первые дни. Год такой жизни испортит ее. Посмотрите на листья пионов: они желтеют и чахнут от тоски, ибо она пробудет с ними еще только день.

— Это не пионы. Это азалии и лавры, и желтеют они от болезни.

— Называйте это болезнью, если хотите. Они чахнут от тоски...

Вулф двинулся вперед, и я, пытаясь оказаться впереди него, чтобы прокладывать дорогу, чуть не сшиб с ног трех дам.

На четвертом этаже, не обращая внимания на другие орхидеи, хотя там были самые великолепные экземпляры *V. Thorntoni*, какие мне доводилось видеть, он сразу направился к стеклянному контейнеру. Табличка на нем гласила: «Безымянный гибрид мистера Льюиса Хьюитта. Только три экземпляра». Они, безусловно, представляли собой нечто особенное, я не видел ничего подобного ни на одной выставке, не говоря уже о двадцати тысячах орхидей самых разнообразных сортов в оранжерее Вулфа. Я пристроился в сторонке и стал наблюдать за лицом Вулфа. Он что-то бормотал себе под нос, потом застыл на расстоянии пяти дюймов от стекла. Его физиономия не выражала никаких эмоций, но мышца на шее подрагивала, выдавая, что все в нем кипит. За четверть часа он ни разу не шелохнулся, даже когда дамы толкали его, пытаясь протиснуться к орхидеям. Хотя, вообще-то, он терпеть не может, когда к нему прикасаются. Потом он отошел, и я решил, что с него хватит.

— Жарко здесь, — сказал он, снял пальто и отдал его мне.

— А-а, мистер Вулф, вы пришли! — сказал чей-то голос. — Это действительно честь для нас! Что вы о них скажете?

Это был Льюис Хьюитт. Вулф протянул ему руку. Шляпа, пальто и перчатки на Хьюитте были не те, что накануне, а трость в руке — та же: золотисто-желтая с красновато-коричневыми крапинками. Любой хороший оценщик с ходу определил бы ее стоимость в 830 долларов, не меньше. Хьюитт был достаточно высокого роста, чтобы смотреть на Вулфа сверху вниз, с демократической улыбкой под аристократическим носом.

— Они интересные, — произнес Вулф.

Интересные. Ха-ха!

— Разве они не изумительны? — Хьюитт так и сиял. — Если выкрою время, достану вам одну, чтобы вы могли рассмотреть ее получше, но сейчас я иду наверх, на обсуждение роз, оно уже началось. Вы ведь еще побудете здесь? Буду признателен. Привет, Уэйд, я уже бегу.

Уэйдом он назвал коротышку, только что подошедшего к нам. Пока они с Вулфом обменивались приветствиями, я с интересом его рассматривал. Это был не кто иной, как У. Дж. Дилл собственной персоной, работодатель моей будущей жены. Во многом он был точной противоположностью Хьюитту: на Вулфа Дилл смотрел снизу вверх, его выдавший виды коричневый костюм явно соскучился по уюту, а колючие серые глаза, казалось, не умели улыбаться.

— Возможно, вы меня не помните, — сказал он Вулфу, — я был однажды у вас с Реймондом Пленом.

— Разумеется, мистер Дилл, я помню вас.

— Я только что видел Плена внизу, и он сообщил мне, что вы здесь. Я собирался звонить вам сегодня. Хотел узнать, не окажете ли вы мне услугу.

— Это зависит...

— Я сейчас объясню. Давайте отойдем в сторонку.

Они выбрались из толпы, и я последовал за ними.

— Знаете ли вы что-нибудь о пожелтении Куруме?

— Слышал об этом. — Вулф нахмурился. — Читал в журнале. Неизлечимая болезнь вечнозеленых широколистных. Считают, что это грибок. Впервые обнаружен на нескольких азалиях Куруме, которые Льюис Хьюитт вывез из Японии. Потом вы столкнулись с этим, и, полагаю, Уотсон из Массачусетса тоже. Апдеграф потерял целую плантацию, несколько акров растений, которые он называл родалиями.

— Вы и впрямь в курсе дела.

— Я помню то, что прочел.
— Вы видели мою экспозицию внизу?
— Взглянул, когда проходил. — Вулф скорчил гримасу. — Там толпа. Я пришел посмотреть на эти гибриды. У вас весьма красивый *Cypripedium pubescens*¹.
Весьма красивый.

— А видели вы лавры и азалии?

— Да. Они выглядят больными.

— Они действительно больны. Они погибают. Пожелтение Куруме. На нижней стороне листьев типичные коричневые пятна. Кто-то, без сомнения, заразил их. Я бы очень хотел знать кто. И я намерен выяснить это.

Вулф, казалось, сочувствовал. Он и на самом деле сочувствовал. Угроза рокового грибка сплачивает всех цветоводов.

— Очень жаль, что ваша экспозиция испорчена, — сказал он. — Но почему вы предполагаете злой умысел?

— Это именно так.

— У вас есть доказательства?

— Нет. За этим я к вам и обращаюсь.

— Мой дорогой сэръ, вы, как ребенок, сердитесь на камень, о который споткнулись. Болезнь завелась на вашем участке. Где-то в почве остались споры.

Дилл покачал головой:

— Болезнь была на моем участке в Лонг-Айленде, а эти растения прибыли из Нью-Джерси. Почва не могла быть заражена.

— С грибом возможно все, что угодно. Садовый инструмент, привезенный оттуда, или рукавицы...

— Не верю. — По голосу Дилла чувствовалось: его не переубедить. — Мы были так осторожны. Я не сомневаюсь: это сделано специально, с умыслом, чтобы

---

¹ *Cypripedium pubescens* — башмачок пушистый — относится к семейству орхидных.

погубить мои растения. И я хочу знать, кто это сделал. Я заплачу вам тысячу долларов, если вы мне поможете.

Вулф сбежал с корабля. Не физически, а, так сказать, ментально. Его лицо стало безмятежным и отсутствующим.

— Я не уверен, что смогу взяться за ваше поручение, мистер Дилл.

— Почему? Вы же детектив, ведь так? Разве это не ваша работа?

— Да, так.

— А это дело для детектива. Разве нет?

— Нет.

— Но почему?

— Потому что вы не стали бы пересекать континент, чтобы искупаться в Тихом океане. Усилия и плата непропорциональны. Вы говорите, у вас нет доказательств. Вы подозреваете кого-нибудь?

— Нет, но я абсолютно убежден...

Я вмешался, заявив Вулфу:

— Мне нужно идти на обсуждение брюссельской капусты, — и покинул их.

У меня действительно была определенная цель, но главное — мне хотелось смыться. Хотя благодаря паре прибыльных дел в начале года наш бюджет был в порядке на несколько месяцев вперед, я всегда злился, когда Вулф отказывался от предложений. И я не хотел давить на него прямо перед гибридами Хьюитта. Чтобы миновать толкучку, я отворил дверь с табличкой «Вход воспрещен» и спустился на один лестничный пролет. Эта часть была закрыта для публики. Я продрался сквозь джунгли из упаковочных ящиков, каких-то деревьев и кустов, оборудования для полива и тому подобных предметов. Прошел по коридору и свернул направо. Этот боковой коридор тянулся почти через все здание, но я знал: где-то посередине есть выход.